

8. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. / Н. С. Симонов. — М. : РОССПЭН, 1996. — 336 с.

9. Тимошенко А. И. Геополитические вызовы в формировании сибирского тыла СССР в 1920–1980-е гг. / А. И. Тимошенко // Разработка и реализация идеи сибирского тыла в советской экономической и военно-оборонной стратегии (1920–1980-е гг.) : сб. науч. тр. — Новосибирск : Автограф, 2015. — 222 с.

10. Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. — 288 с.

Информация об авторе

Тимошенко Альбина Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Author

Albina I. Timoshenko — Ph.D. in (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

УДК 94 (4)“1939/1945”
ББК 63.3(2)722.14(5Кит)

**Б.Д. ЦЫБЕНОВ,
Л.В. КУРАС**

АНТИЯПОНСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ДАУРОВ И БАРГУТОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье освещена история борьбы малочисленных этнических групп Китая — дауров и баргутов с японскими захватчиками в 1939–1945 гг. Авторы изучили некоторые вопросы, связанные с активным участием дауров в составе партизанских отрядов и подпольной антияпонской организации. Исследовано также участие баргутов в ликвидации японских разведчиков в 1945 г.

Ключевые слова: дауры, Маньчжоу-Го, партизаны, подпольная организация, баргуты, японские разведчики.

**L. V. KURAS,
B. D. TSYBENOV**

ANTI-JAPANESE LIBERATION STRUGGLE OF DAUR AND BARGUT PEOPLES DURING THE WORLD WAR II

The article is devoted the history of the struggle of the small-numbered ethnic groups of China — Daur and Barguts against Japanese invaders in 1939–1945. The authors have studied some issues related to the active

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МиноКН Монголии № 15-21-03005 а/м «Монголия во Второй мировой войне».

participation of them in the partisan units and secret anti-Japanese organization. The article also examined the participation of Barguts in eliminating Japanese spies in 1945.

Keywords: Daur, Manchukuo, partisans, secret organization, Barguts, Japanese spies.

Малоисследованной в отечественном монголоведении является проблема участия монголоязычных этнических групп Северо-Восточного Китая в антияпонском освободительном движении. В настоящей работе авторы на основе имеющихся материалов попытались обозначить основные моменты, связанные с партизанской и подпольной борьбой дауров, а также участием баргутов в ликвидации японской разведывательной группы.

Дауры являются одной из малочисленных народностей Северо-Восточного Китая. По официальным данным, в настоящее время их насчитывается более 130 тыс. чел. В составе даурского народа можно выделить несколько этнотерриториальных групп, сложившихся в результате миграций в XVIII в. К ним относятся хайлар даур, батхан даур (их называют также муочи даур — сокращение от Молидава-ци — автономный район Мориндава), котон даур (или чичихаар даур, цицикарские дауры), синьцзян даур (другое название урумчи даур), хулаан даур, айгун даур [8, с. 201]. Все составные части даурского народа, за исключением синьцзянских дауров, приняли участие в антияпонской освободительной борьбе 1932–1945 гг. Борьба дауров с японскими оккупантами началась еще задолго до начала Второй мировой войны. В апреле 1932 г. цицикарские дауры оказывали помощь в качестве санитаров и подносчиков боеприпасов во время антияпонского восстания, поднятого губернатором провинции Хэйлунцзян Ма Чжаншанем. В октябре 1932 г. хайларские дауры приняли участие в антияпонском движении, которое развернул командующий китайскими охранными войсками в Хулунбуире Су Бинвэнь. Начиная с этого времени даурское население активно участвует в военных действиях на стороне объединенной китайской армии. Разрозненные части китайских армий со временем перешли к партизанской борьбе.

Таким образом, остатки регулярных войск фактически были преобразованы в партизанские отряды, однако с сохранением нумерации воинских формирований. В труднодоступных горно-таежных районах северо-востока Китая были созданы партизанские базы. К началу Второй мировой войны в 1939 г. позиции партизан Северо-Восточного Китая сильно укрепились. Так, в сентябре 1939 г. был образован Хулунбуирский партизанский округ под руководством КПК и комитета области Бэй Ман (Северная Маньчжурия). Местности Загдагачи, Алихэ и других таежные районы Северо-Восточного Китая были превращены в третью базу антияпонского сопротивления. Одними из мест подготовки для нанесения

ударов по японским оккупантам стали районы компактного проживания даурского народа — Мориндава, Баян, Нэхэ-сянь. Подрывная антияпонская деятельность на территории района Мориндава проводилась зимой 1939 г. 6-й армией объединенных сил антияпонского сопротивления. Передовой отряд армии и солдаты 12-го полка прибыли для создания антияпонской партизанской базы в селение Малый Кумар, где тепло были встречены даурским населением. Многие дауры вступали в ряды антияпонского сопротивления и принимали непосредственное участие в боях против японских захватчиков. Большую организационную работу проводил даур Мэн Ган Су, решавший вопросы, связанные с извещением населения, провизией и обустройством [10, с. 44]. Проводниками партизанского отряда стали дауры Мэн Дэ Жэн и Ван Цзюн. Кроме того, они занимались покупкой и доставкой провизии, лошадей, добывали сведения о дислокации и численности японских войск. Молодой даур Го Ган, вступив в ряды бойцов объединенной армии, вступил в ряды КПК. Во многих партизанских рейдах он показал себя дисциплинированным и ответственным бойцом. В бою у городка Бэйсин, произошедшем в марте 1940 г., Го Ган ликвидировал пулеметный расчет. Затем прикрывая командира взвода, геройски погиб [9, с. 221]. Подобных примеров участия дауров в партизанском движении Северо-Восточного Китая достаточно. Большую помощь в снабжении партизанских баз провизией и средствами передвижения оказывали также даурские охотники, лесорубы. В то же время были и люди, лояльные к японским колониальным властям и администрации Маньчжоу-Го. Некоторые дауры работали в местных администрациях, служили в полиции и других учреждениях Маньчжоу-Го. Даурская молодежь была призвана в Маньчжурскую императорскую армию, а также на тыловые работы по сооружению укрепрайонов. В силу действия японского закона о неразглашении военной тайны строители военных объектов в ряде случаев были расстреляны.

Японское командование, очевидно, не без оснований считало даурское население гористых районов Прихинганя неблагонадежным. Было резко уменьшена численность дауров-охотников. Они были вынуждены заняться земледелием. Значительно сократилась выдача лесобилетов. Для усиления контроль над районами, населенными даурами, была установлена агентурная сеть. Поводом для задержания мирных граждан могли служить разговоры, где упоминалась Объединенная антияпонская армия Северо-Восточного Китая (qolbogatu serig), СССР и МНР. Задержанным лицам выдвигались обвинения по следующим статьям: «наложение отношений с противником», «противодействие Маньчжоу-Го и Японии». Тотальным обыскам подвергалось даурское население, проживавшее в районе Хэйхэ. Пограничная река Амур отделяла этот даурский район от территории СССР. Рыбаки ежедневно после работы были обязаны сдавать свои лодки в полицейское управление. Запрещалось

одновременно принимать пищу группе из нескольких рыбаков. Можно предположить, что деятельность рыбаков в Хэйхэ курировалась Управлением государственной безопасности Маньчжоу-Го. Как известно, в задачи этого органа входили политическая цензура и полицейские функции в приграничных районах, охрана государственной границы и защита государственной безопасности [2, с. 145]. В других районах компактного расселения дауров — в долинах рек Нонни (Нунцзян), Хайлар, Айхуй — располагались 3 особых японских отряда «люй», численностью 500 чел. каждый [9, с. 213].

В годы Второй мировой войны в Хайларе действовала подпольная организация антияпонского сопротивления, состоящая преимущественно из дауров. Большинство из них являлось членами Народно-Революционной партии Внутренней Монголии и в свое время они входили в состав революционных кружков Коминтерна. Начиная со времени конфликта на р. Халхин-гол в 1939 г., подпольщики отправляли ценные данные военной разведке Красной Армии. Руководителем подпольной группы Хайлара был даур по имени Найралту (Го Вэн Гуй на кит. яз.). Ближайшими сподвижниками Найралту была супружеская пара Хас-Батора (даур) и Цыпылмы (уроженка Бурятии). Впоследствии Хас-Батор погиб в японских застенках. Обстоятельства смерти его жены Цыпилмы, погибшей ранее, до сих пор неизвестны. Костяк подпольной организации Хайлара составили дауры пригородного поселка Баян-Тохой (Нантун). Эта группа собирала сведения об военных аэродромах, стратегически важных укрепленных пунктах, планах японского командования. Например, точные координаты подземных коммуникаций Хайларского укрепрайона были получены подпольщиками от китайского рабочего по фамилии Тянь, сумевшего чудом сбежать с места строительства [3].

Некоторые подпольщики знали японский язык, служили в местной администрации Маньчжоу-Го. Например, известный генерал Маньчжурской императорской армии Го Вэн Тун, даур по национальности, был связан с подпольной организацией и передавал ценные сведения. В августе 1945 г. во время наступления частей Красной Армии в Маньчжурию, Го Вэн Тун поднял мятеж и добровольно сдался советским войскам. Следует заметить, что Го Вэн Тун, Хас-Батор и Найралту происходили из одного рода говол. Этот род хайларских дауров отличался от других тем, что из него вышли многие военачальники [7, с. 78]. В разных местах Хулунбуира имелись агенты подпольной антияпонской организации. Например, Гончикжаб в Восточной и Западной Барге, Ичинтай в Солонском хошуне, Ачинга в Хуучин-Барга. Агент Э Жин Чун, цицикарский даур, из рода эсур, был знаком еще с Мэрсэ. Работал агентом подполья в г. Цицикар, один раз в году доставлял сведения. Дэ У Мин, даур из рода дэдул, начиная с 1933 г. поддерживал связь с Найралту, и также раз в год доставлял сведения в Хайлар. Членами подполья в хошунах Барги так-

же были Эрхэмбаяр, Хуо Минтай, Бодижаб [3]. Работа подпольщика требовала многих лишений, например, радистка Сяюнь была вынуждена расстаться со своим ребенком [6, с. 30]. Многие подпольщики отдали свои жизни, проводя опасную тайную работу. Например, в 1941 г. после обучения в СССР вернулся на родину Жун Му и начал подпольную деятельность. Он был схвачен японской контрразведкой и погиб, никого не выдав. Обстоятельства его ареста и гибели до конца неизвестны.

О другом члене подпольной организации — Сухэ-Баторе из дошедших до наших дней данных его биографии известно, что с 1920 по 1929 г. он обучался в начальной и средней школах г. Хайлара. В 1932 г. был направлен для обучения в СССР, в г. Верхнеудинск (совр. г. Улан-Удэ). Период его жизни с 1932 по 1941 г. неизвестен. Можно предположить, что Сухэ-Батор продолжал проживать в СССР, поскольку имеется информация, что в августе 1941 г. его обвиняли в связях с японцами [3]. Обвинение, очевидно, было снято, и с 1941 г. по апрель 1944 г. Сухэ-Батор пять раз переправлялся через р. Аргунь, доставляя разведданные. Весной 1944 г., по другим сведениям, в 1943 г., связной Сухэ-Батор погиб, попав в засаду. Место его гибели невыяснено. Предположительно, Сухэ-Батор мог погибнуть в местности Авга, в 15 км от Чжалайнора. Именно здесь чаще всего подпольщики переходили границу.

Героиней подпольного антияпонского сопротивления также можно назвать Хай Юри (по другим данным Хай Руи; кит. имя Ма Шучжен). Известно, что она обучалась в Верхнеудинске, затем в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Закончила обучение в КУТВ в 1929 г. После окончания Хай Юри работала в МНР, в г. Улан-Батор, по другим данным, в Шилинголе (Внутренняя Монголия). По данным информаторов, Хай Юри была одной из пяти даурских девушек, тайно выехавших в 1924 г. на учебу в СССР. В их числе была дочь князя Барги Цэндэ-гуна. Известно, что одним из организаторов этого «побега» был бурятский деятель Ц-Е. Цыдыпов, долгое время работавший в Хайларе [1, с. 46–47]. Хай Юри занималась сбором секретных военных данных о японских воинских частях, дислоцированных в Маньчжоу-Го. В 1944 г. она совершила побег из японской тюрьмы и была убита в ходе преследования [3]. Были подвергнуты жестоким пыткам и погибли, так и не выдав никого, связной Элдэнгэ, 22-х лет; подпольщик Хаулинтай. За все время существования подпольной организации не было ни одного случая предательства. Есть мнение, что дело было даже не в особом героизме подпольщиков, просто все члены подполья состояли в родственных связях, поэтому арестованные не могли выдать своего дядю, племянника, брата [3].

Во время конфликта на р. Халхин-гол в 1939 г. начал свою разведывательную деятельность даур Э-Б. Сандиев (кит. имя Дун Бао). В составе оперативной группы ГУ госбезопасности НКВД он выполнял

специальные задания. В 1942 г. связному Сандиеву с большим трудом удалось оторваться от преследовавших его японцев и переплыть пограничную реку Аргунь. Отважный разведчик был награжден орденом Боевого Красного Знамени, медалями за участие в конфликте на р. Халхин-гол и «За победу над Японией». В годы ухудшения советско-китайских отношений в 60–70-х гг. XX в. Э.-Б. Сандиев был вынужден остаться в СССР. До конца жизни прожил в Агинском автономном бурятском округе Читинской области [6, с. 30].

Даурские партизаны, разведчики и подпольщики сыграли большую роль в освобождении Северо-Восточного Китая от японских оккупантов. Многие из них обучались и работали в СССР и МНР. Некоторые, например, как Э.-Б. Сандиев, остались жить в этих странах. Одним из них был даур Дорна (кит. имя Го Син Шан), летом 1930 г. отправленный на учебу в СССР. На родину он так и не вернулся, возможно, принял советское гражданство. По данным информаторов, он погиб на западном фронте в годы Великой Отечественной войны [3].

Участие в антияпонской освободительной борьбе приняли также баргуты. Они являются этнической группой монголов и проживают в трех баргутских районах Хулунбуирского аймака. Численность современных баргутов составляет более 60 тыс. чел. До сих пор принято считать, что баргуты были одними из преданных союзников японцев, принимали активное участие в конфликте на р. Халхин-гол в 1939 г. на стороне японских войск. Однако в баргутском обществе имелись люди, которые открыто высказывали свое недовольство японским правлением. Согласно имеющимся данным, баргуты также как и другие народности Северо-Востока Китая испытали гнет японской колониальной политики. На баргутской территории проводились тайные испытания бактериологического оружия, что приводило к гибели семей кочевников в районе Восточной Барги [4, с. 119–120]. Некоторые солдаты-баргуты, не желая служить в Маньчжурской императорской армии, дезертировали. Пойманных дезертиров подвергали суровому наказанию [5, с. 145–146]. Согласно материалам баргутского краеведа Лутын Очира, примерно в 1940–1942 гг. баргутский шаман по имени Балдан неожиданно начал камлать против японской оккупантов. Так, в его шаманских заклинаниях встречались следующие слова:

Нарсан модон дянхуа нь
Налхын эринд хүрөө
Наран гүрний сэрэг
Тонилох цагийн хүрөө
Хусан модон дянхуа нь
Хугархын цаг нь хүрөө
Хубхай хархис японы
Мөхөлийн цаг нь хүрөө

Телефону, [сделанному] из сосны
Пришло время прислониться
Войску страны [восходящего] солнца
Пришло время убираться
Телефону, [сделанному] из березы
Пришло время сломаться
Алчным жестоким японцам
Настала пора гибели

По доносу шаман был схвачен и избит японскими солдатами. Однако он продолжал камлать против колониального господства Японии:

Бархаар ерэхэн японы	Японцам, прибывшим все исчерпать
Байхуй болохынь хүсэе	Пожелаю, чтобы их не стало
Байтун гүүе үлдхэл	Оставившим яловую кобылицу
Баяжиж мандахаа ерөөгие	Пожелаю богатства и процветания
Үгүйрүүлхээр ирээ японы	Японцам, прибывшим нас разорить
Үгүй болохынь хүсэе	Пожелаю, чтобы они исчезли
Үрээ даагаан үлдхээхэн	Сохранившие лончаков и 4-летних коней
Үсгээж хамгаалхаа мэдээрэй	Постарайтесь приумножить их и защититить

После этого памятного камлания шаман был казнен японскими оккупационными властями [11, с. 4]. Однако заклинания Балдана и его последующая казнь оказали свое влияние на верующих шаманистов в частности, и на все баргутское общество в целом. Люди стали более настороженно относиться к японцам, отдаляться от них.

Другим примером антияпонской борьбы баргутов является участие в поиске и преследовании японской разведывательной (или диверсионной) группы в августе 1945 г. По данным информаторов, операция проводилась по приказу офицеров МНРА Цэдэна и Норбу [3]. Других данных о личности монгольских офицеров и других фактах участия частей МНРА в преследовании японских разведчиков нами не обнаружено. Как известно, в августе 1945 г. части МНРА во взаимодействии с советскими войсками наступали в Калганском и Долоннорском направлениях, поэтому можно предположить, что вышеуказанные монгольские офицеры были военнослужащими пограничных войск МНР, направленными для ликвидации остатков японских войск. По каким причинам они привлекли к операции баргутов, остается невыясненным. Известно, что в административном центре баргутов — поселке Баян-Хурээ состоялось совещание, на котором присутствовало около 20 чел. После совещания на поиски японской разведывательной группы отправились 4 баргута Элдэнбуу, Хашинга, Эрхим-Насту и Алту. Им дали самых быстрых и выносливых лошадей. Народная память сохранила их клички, например, у Элдэнбуу был известный в то время скакун Жуурд-Хурэн. Под седлом другого участника операции находился конь по кличке Шовоон-Саарал, прославившийся тем, что благодаря ему охотник по имени Шовоон убил 28 волков. Ход операции и места поиска диверсантов невыяснены. Известно лишь, что на второй день операции они обнаружили японцев. Во время боя все четыре баргута были убиты. Из числа японских разведчиков (диверсантов) один был убит и один тяжело ранен. Уйдя от преследования, японские разведчики на долгое время скрылись. Бытует мнение, что они убили одного из своих, чтобы выжить. Затем

оставшиеся пять японских разведчиков скрывались у баргута по имени Дэмбрэл (позже, в годы культурной революции по доносу он был арестован и посажен в тюрьму на 9 лет). Потом переместились в другую местность под названием Онгоны. Дальнейшая их судьба неизвестна. По мнению информатора Л. Очира, они вернулись в Японию. Среди них были глава японской разведывательной службы в Хайларе Аваны и его помощник Икада. В деле возвращения им помогло хорошее знание языков. Например, японские разведчики хорошо владели баргутским и бурятским языками [3]. Что касается погибших баргутов, то в увековечение их памяти в п. Баян-Хурээ в 50-е гг. XX в. был воздвигнут деревянный обелиск. Во время культурной революции его убрали. Позже вопрос об установлении памятника был поднят одним из руководителей Внутренней Монголии Төмөрбагана. По его замыслу памятник четырем баргутским героям должен был располагаться в Хайларе рядом с памятником погибшим советским солдатам. В 2015 г. было принято решение об основании памятника четырем баргутским борцам против японской оккупации в п. Баян-Хурээ [3].

Годы правления Маньчжоу-Го явились тяжелым периодом испытаний для малочисленных монгольязычных народностей Северо-Восточного Китая. Дауры одними из первых вступили в борьбу с японскими оккупантами. Во всех даурских районах была развернута всемерная помощь партизанским базам, население вступало в ряды объединенной освободительной армии. Активную деятельность проводила подпольная антияпонская организация г. Хайлар. Новые данные показывают, что и баргутское население, несмотря на в целом лояльное отношение к японцам, все же было недовольно колониальным правлением. Имелись случаи антияпонских выступлений (камлание шамана), дезертирства из рядов Маньчжурской императорской армии. На заключительном этапе войны с Японией баргуты приняли участие в операции против японской разведывательной группы.

Список использованной литературы и источников

1. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. — 67 с.
2. Курас Л. В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л. В. Курас // Власть. — 2014. — № 9. — С. 143–147.
3. Полевые материалы авторов, собранные в ходе научной командировки в Хулун-Буирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия КНР в сентябре–октябре 2015 г.
4. Пунцагваанжил. Японы бактерийн хижгээс болж Зуун хошуны ухсэн хумусийн тухай / Пунцагваанжил // Халхын голын дайны туухийн судалгаа: баримт ба газар орон / эмхэтгэсэн С. Ганболд. — Улаанбаатар, 2013. — С. 117–123. (на старомонгольской письменности).

5. Суръяа М. Барга Дамдины хуурмаг Манжийн цэргээс дутаасан нь / М. Суръяа // Халхын голын дайны туухийн судалгаа: баримт ба газар орон / эмхэтгэсэн С. Ганболд. — Улаанбаатар, 2013. — С. 144–147. (на монг. яз.)

6. Ширабон Р., Раднаев Б. Разведчики — «панмонголисты» / Р. Ширабон, Б. Раднаев // Информ-полис. — 2012. — № 27 (1031). — С. 30.

7. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. — 252 с.

8. Цыбенков Б. Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII веках / Б. Д. Цыбенков // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность / отв. ред. Б. З. Нанзатов. — Улан-Удэ, 2012. — С. 191–201.

9. *Dayur ündüsüten-ü tobči teüke / naiyrayulan bičikü duyuylang naiyrayulaba; Meng Ji Düng, Üljeyitü, Bayar.* — Kūkeqota : Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. — 300 с. (на старомонгольской письменности)

10. *Morindabaya dayur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qošiюн-u toyimu bayidal / naiyrayulun bičikü duyuylang naiyrayulba. Jamsu, Bürinsayin orčiyulba. Erdenijab orčiyulа-yi qinaba.* — Kūkeqota : Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988. — 269 с. (на старомонгольской письменности)

11. *Včir L. Yapon-i esergüčegsen baryu-yin bayatur kübegüd / L. Včir // Külün-Buyir-un edür-ün sonin.* — 2015. — № 12513. — С. 4. (на старомонгольской письменности).

Информаторы:

Лутын Очир, хуучин барга (старый баргут), род шарнут, патронимическая группа цагаан ухэртэн, 70 лет, г. Хайлар.

Информация об авторах

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Authors

Leonid V. Kuras — Doctor of History, Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Bazar D. Tsybenov — PhD in History, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: bazar75@mail.ru.